„Пров 38“
„Пров 49“

Н. НОВИКОВЪ
Докторъ философіи Бернскаго университета.

АРМІЯ и ПОЛИТИКА.

(Къ вопросу о роли постоянныхъ армій въ общественныхъ движеніяхъ.)

(Dr N. Nowikow. — Armee und Politik.)

Берлинъ. 1907.
Verlag der Stuhr'schen Buchhandlung
Berlin.

Армія и политика.

(Къ вопросу о роли постоянныхъ армій въ общественныхъ движеніяхъ).

I.

Современныя событія въ Россіи, трагизмъ которыхъ, по истинѣ, способенъ „разбивать человѣческія сердца и разумъ обращать въ безуміе", глубоко, тѣмъ не менѣе, поучительны. Они даютъ богатѣйшій, цѣннѣйшій матеріалъ для провѣрки теоретическихъ положеній, лежащихъ въ основѣ соціально-политической практики. Русское освободительное движеніе, если не возникшее, то во всякомъ случаѣ получившее колоссальный приростъ энергіи, подъ вліяніемъ позорной и позорно-неудачной войны съ Японіей, встрѣтилось, послѣ первыхъ блестящихъ побѣдъ надъ растерявшимися сторонниками стараго, стараго, самодержавно-бюрократическаго режима съ сопротивленіемъ, организующимся все болѣе прочно и стройно и сочетающимся въ себѣ коварство и низость азіатскихъ тирановъ съ лицемѣріемъ европейскихъ дипло-

матовъ, пользованіе рессурсами представляющими собою „послѣднее слово“ современной военной техники — съ безчеловѣчно-жестокими, невѣроятно — циничными пріемами борьбы.

Дипломатическое лицемѣріе и азіатское коварство такъ-же мало маскируетъ отъ безпристрастныхъ зрителей безчеловѣчно-дикую жестокость, съ которою самодержавіе борется за свое существованіе, какъ кисея, наброшенная на мертвое тѣло, не скрываетъ процесса разложенія, въ немъ происходящаго. И если западно-европейская, а особенно германская буржуазія и буржуазная пресса дѣлаютъ видъ, что онѣ не замѣчаютъ зоологической примитивности, зоологической оголенности общественныхъ отношеній, устанавливающихся сейчасъ въ Россіи, то вѣдь, никто, включая сюда и буржуазныхъ-же публицистовъ, въ искренность этого „вида“ не вѣритъ . . .

Именно въ совершенной оголенности, общественныхъ отношеній, въ элементарности борьбы за политическую власть кроется значительная доля глубокой поучительности момента, переживаемаго нынѣ Россіей. Духовные рессурсы, умственныя и нравственныя силы, научные доводы, требованія элементарной справедливости, легальная правота, — все это

отошло на болѣе чѣмъ, второстепенный планъ. Одолѣваетъ тотъ, кто располагаетъ большимъ количествомъ кулаковъ, дубинъ, ружей, сабель и пулеметовъ. Одолѣваетъ — совершенно не стѣсняясь никакими соображеніями нравственнаго или правового характера. Нѣтъ надобности приводить отдѣльные факты подтверждающіе это. — нѣтъ надобности и нѣтъ возможности ибо подобныхъ фактовъ безчисленное множество.

Они извѣстны всѣмъ и каждому.

Военно-полевые суды; дѣйствіе карательныхъ отрядовъ; открытое и намѣренное разстрѣливаніе ни въ чемъ неповинныхъ случайныхъ прохожихъ, нерѣдко спѣшащихъ на помощь „жертвѣ“ какого-либо покушенія (обыденное явленіе въ Варшавѣ); казни несовершеннолѣтнихъ, женщинъ и даже беременныхъ женщинъ; разстрѣливаніе конвоемъ арестантовъ подъ предлогомъ попытокъ побѣга съ ихъ стороны; истязанія въ тюрьмахъ, въ участкахъ, — истязанія, своею подлой утонченностью далеко превосходящія „башибузукскія звѣрства“, противъ которыхъ нѣкогда такъ горячо протестовала оффиціальная Россія; истязанія приговоренныхъ къ смерти — замѣна исповѣди и религіознаго напутствія казацкой нагайкой; погромы, организуемые по-

лиціей при непосредственномъ участіи войскъ; разстрѣливаніе „самооборонцевъ“; массовые аресты, массовыя ссылки, безстыдныя конфискація имуществъ и наложеніе генералъ-маіорскими диктаторами „штрафовъ“, намѣренно разворительныхъ; запрещеніе мирнымъ гражданамъ вооружиться въ видахъ легальнѣйшей самообороны и одновременная открытая раздача оружія завѣдомымъ „подонкамъ“ человѣческаго общества, профессіональнымъ ворамъ, ростовщикамъ и кабатчикамъ, лакеямъ публичныхъ домовъ, сутенерамъ — „котамъ“, босякамъ и сыщикамъ. А на ряду съ этимъ безпримѣрно-циничныя преслѣдованія сколько нибудь честной общественной прессы; наглыя „разъясненія“ сената; распространеніе на „казенныя“ средства черносотенныхъ листковъ; возмутительнѣйшія, неимовѣрныя по своей наглой глупости распоряженія облеченныхъ безграничной властію генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, градоначальниковъ, исправниковъ и становыхъ приставовъ; столыпинскіе циркуляры, тайныя „отношенія“ всевозможныхъ „начальниковъ“ и совершенно безцеремонныя распоряженія лицъ на мелкихъ „заставахъ“ власть имѣющихъ...

Что все это, если не циничнѣйшее, ничѣмъ

не сдерживаемое, террористическое проявленіе грубой силы, „голаго“ насилія?

Было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что въ настоящій моментъ оргія административнаго произвола, полицейскихъ и черносотенныхъ звѣрствъ достигла уже высшаго своего развитія, что — какъ выражаются русскіе либералы — „дальше идти некуда“. Напротивъ, имѣются вполнѣ достаточныя основанія утверждать, что въ зависимости отъ исхода выборовъ въ Государственную Думу русскій народъ окажется поставленнымъ передъ слѣдующей альтернативой: или покорная „удобная“ и „работоспособная“ Дума облегчитъ правительству заключенія новаго внѣшняго займа и умолитъ „возлюбленнаго монарха“ о возстановленіи самодержавія de jure; или же — „крамольная“ Дума будетъ разогнана, на этотъ разъ еще болѣе безцеремоннымъ и „противоконституціоннымъ“ образомъ, а кровавая „работа“ военно-полевыхъ судовъ, карательныхъ отрядовъ и черносотенныхъ шаекъ возобновится съ новой энергіей. Въ первомъ случаѣ правительство получаетъ возможность не спѣша, хладнокровно и основательно расправиться съ врагами самодержавія; во второмъ-же оно будетъ продолжать свои расправы съ лихорадочной поспѣшно-

стью въ цѣляхъ скорѣйшаго установленія такого порядка вещей, при которомъ третья Дума уже „навѣрное“ окажется „работоспособной“ и къ самоубійству склонной. Впрочемъ, успокоеніе русскаго общества кладбищенскимъ спокойствіемъ можетъ быть поведено настолько успѣшно, что никакой третьей Думы и не понадобится: иностранные банкиры и безъ Думы убѣдятся въ томъ, что за русскимъ правительствомъ стоитъ весь русскій народъ, страстно желающій какъ можно скорѣе распродать „естественныя богатства“ своего отечества оптомъ и въ розницу. Какъ видимъ, исходомъ предстоящихъ думскихъ выборовъ опредѣлится разница лишь въ темпѣ, а вовсе не въ сущности политическихъ „мѣропріятій“, имѣющихъ цѣлью сохранить, укрѣпить и „обновить“ — именно, обновить! старый режимъ самодержавной бырократіи, режимъ безгласности и погромовъ, безшумныхъ административныхъ расправъ и милліонныхъ хищеній, золотовскихъ дѣлъ и манчжурскихъ побѣдъ.

Изъ какихъ общественныхъ элементовъ вербуются активные защитники этого режима? Результаты послѣднихъ земскихъ выборовъ, недавнія, столь характерныя своею низостью постановленія дворянскихъ собраній и город-

скихъ думъ свидѣтельствуютъ, что въ настроеніи извѣстной части нашей буржуазіи произошелъ рѣшительный поворотъ вправо и что быть можетъ извѣстные элементы этого общественнаго класса перейдутъ въ лагерь открытыхъ сторонниковъ обанкротившейся, опозорившейся бюрократіи. Помимо же этихъ, покуда колеблющихся общественныхъ элементовъ, неограниченный бюрократическій режимъ ни на какую абсолютно-надежную опору соціальнаго характера разсчитывать не можетъ. Если-бы правительство было въ силахъ разрѣшить аграрный вопросъ въ интересахъ большинства крестьянства, то оно на многіе годы получила бы такую опору въ лицѣ многихъ милліоновъ крестьянъ собственниковъ. Но подобное рѣшеніе аграрнаго вопроса нанесло бы смертельный ударъ существованію владѣльцевъ латифундій, т. е. извѣстной части правительствующаго общественнаго слоя, иначе говоря, было бы ампутаціей важнѣйшихъ частей правительственнаго организма. И ожидать, что россійское императорское правительство, столько разъ открыто заявившее себя сторонникомъ дворянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ рѣшиться произвести колоссальнѣйшую въ исторіи революцію въ сферѣ аграрныхъ отношеній значило бы приписывать

Дурново и Столыпинымъ, Гурко и Треповымъ популярность и смѣлость французскихъ якобинцевъ и Наполеона I.

Тѣмъ не менѣе, какъ убѣдительно свидѣтельствуютъ событія, происходящія сейчасъ въ Россіи, самодержавная бюрократія располагаетъ весьма многочисленными союзниками въ средѣ русскаго народа, усердіе которыхъ не оставляетъ ей желать ничего большаго, а по временамъ принимаетъ даже тревожный для самой бюрократіи характеръ. Но „природа“ этихъ союзниковъ объясняется не столько соціальными, сколько государственно-правовыми моментами. Дѣйствительно, весь противообщественный, стремящійся возстановить старый режимъ и успокоить русское общество спокойствіемъ кладбища, лагерь распадается на три, далеко неодинаковые по своему значенію отдѣла; два изъ нихъ находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ — это такъ называемые *черносотенцы*, объединяемые „союзомъ русскаго народа“ и *полиція*; третій-же стоитъ особнякомъ и разсмотрѣніе его политическихъ тенденцій составляетъ главную задачу настоящей статьи. Это — *армія*, христолюбивое русское воинство, стоившее своему народу болѣе какой-бы то ни было арміи въ

мірѣ и оказавшееся столь несостоятельнымъ въ войнѣ съ Японіей.

Что касается первыхъ двухъ отрядовъ абсолютистской рати, то несмотря на все возрастающую сплоченность и численность „истинно-русскихъ людей", несмотря на то, что русская полиція настоящаго времени далеко не похожа на полицію до-революціонной эпохи, легко видѣть, что силы ихъ, сравнительно съ размѣрами взятой ими на себя задачи, ничтожены. „Истинно-русскіе" люди страшны лишь своей дикостью, своей некультурностью. Но сильны они единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ членовъ „союза русскаго народа" имѣется, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, около 5000 лицъ, принадлежащихъ къ нашей „высшей аристократіи",*) а, слѣдовательно располагающихъ полной возможностью поддерживать черносотенные набѣги всѣми ресурсами государственнаго механизма. Погромы евреевъ, погромы прогрессивной интеллигенціи, вообще, а особенно бѣлостокскій и сѣд-

*) Если читателя заинтересуетъ, почему послѣдніе два слова поставлены нами въ ковычкахъ, то мы позволимъ себѣ ему напомнить о трудѣ Карновича относительно происхожденія крупныхъ богатствъ въ Россіи.

лецкій погромы показываютъ намъ до какихъ ужасающихъ размѣровъ, до какой циинческой откровенности можетъ доходить эта поддержка. Въ совмѣстномъ дѣйствіи съ войсками истинно-русскіе люди, дѣйствительно, страшная сила: страшная, ибо варварская; сила — ибо совершенныя войска неизмѣримо сильнѣе невооруженныхъ гражданъ. И, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда защитникомъ стараго режима приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ — хотя-бы лишь однимъ отчаяніемъ — и рѣшившимся на активное сопротивленіе противникомъ, истинно-русскіе люди тотчасъ-же уступали честь борьбы христолюбивому воинству, оставляя за собою исключительно безчестіе мародерства. Это подлые, гнусные шакалы, — не болѣе. Кровожадные, но трусливые. За всѣ дни московскаго возстанія ни на одной изъ московскихъ улицъ и площадей не было видно „истинно-русскихъ людей“ съ ихъ трехцвѣтными знаменами, хоругвями и царскими портретами, тогда какъ въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ возстанію недѣль эти люди — за исключеніемъ отдѣльныхъ моментовъ встрѣчи съ „боевыми дружинами“ — являлись господамы Москвы и проявляли свой башибузуцкій патріотизмъ на каждомъ одиноко-шедшемъ студентѣ, на каждой

курсисткѣ, на всякомъ имѣвшемъ „интеллигентный видъ“ прохожемъ.

Русская полиція сильна своей организованностью, своимъ положеніемъ въ государственномъ строѣ, дающемъ ей возможность безнаказанно совершить какія-угодно преступленія и съ большей быстротой мобилизовать себѣ въ помощь черносотенные элементы. Но и полиція, взятая сама по себѣ, или, даже, въ союзѣ съ черносотенцами, не представляетъ, конечно, врага опаснаго для сколько-нибудь серьезнаго общественнаго движенія. Общераспространенное убѣжденіе, что подлецы не могутъ быть храбрыми людьмы, вполнѣ оправдывается на руской полиціи. Слишкомъ она сознаетъ свою преступность, свою безнадежную скомпрометтированность, въ глазахъ всего русскаго общества, чтобы обладать правительственною стойкостью и, понимая свое безсиліе, даже въ случаяхъ какого-либо малоосмысленнаго крестьянскаго „бунта“, внезапныхъ вспышекъ „народнаго гнѣва“ немедленно прячется за спину войска.

Это послѣднее, дѣйствительно, является могучей опорой стараго режима. Могучей и вѣрной — несмотря на ужасный опытъ японской войны. Правда, военныя возстанія и бунты послѣдныхъ двухъ лѣтъ доказываютъ,

что армія начинаетъ уже революціонизироваться. Но быстрота и успѣшность, съ которыми эти возстанія были подавлены, столь-же убѣдительно свидѣтельствуютъ, что отъ начала революціонизаціи арміи до того момента, когда освободительное движеніе могло бы съ увѣренностью разсчитывать на ея активное содѣйствіе, еще очень и очень далеко. Сейчасъ-же и въ довольно продолжительномъ еще будущемъ русская армія, въ цѣломъ, должна быть причислена къ врагамъ русскаго освободительнаго движенія.

Чтобы составить себѣ представленіе о силѣ этого врага, при современномъ положеніи военной техники, достаточно вспомнить, что, по мнѣнію военныхъ спеціалистовъ, батальонъ пѣхоты выстроенный въ карре на совершенно открытой мѣстности и снабженный неограниченнымъ количествомъ патроновъ, можетъ противостоять сколь угодно многочисленной толпѣ людей, вооруженныхъ охотничьими ружьями, револьверами, палками, кистенями, камнями, т. е. — тѣми, чѣмъ обыкновенно бываетъ вооружена толпа возставшихъ гражданъ. Но кромѣ репетирныхъ ружей, армія располагаетъ и такимъ страшнымъ въ уличной борьбѣ оружіемъ, какъ пулеметы. Подавленіе московскаго возстанія семеновцами и дѣйствія

карательныхъ отрядовъ въ остзейскомъ краѣ, въ центральной и южной Россіи, гдѣ они свободно врѣзывались въ массу возставшаго крестьянства, какъ ножъ врѣжется въ массу студня, съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что покуда освободительное движеніе не найдетъ рѣшенія въ свою пользу военнаго вопроса, до тѣхъ поръ старый режимъ, располагая арміей, будетъ оставаться господиномъ въ странѣ.

Такія событія, какъ сѣдлецкій погромъ, достаточно характерны для роли, которую можетъ играть современная армія находясь въ рукахъ абсолютизма. Но надо ли напоминать о многочисленныхъ, почти повседневныхъ случахъ расправы войскъ, находящихся въ распоряженіи западно-европейской буржуазіи, съ мирными гражданами? И развѣ подобныя событія не даютъ намъ права утверждать, что военный вопросъ обладаетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ міра, если не такой-же жгучестью, то столь-же важнымъ значеніемъ, какъ и въ Россіи?

II.

Съ достаточной общностью военный вопросъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Въ каждомъ культурномъ государствѣ существуетъ значительное число людей, находящихся на жалованьи у правительства и обязанныхъ защищать государство отъ внѣшнихъ враговъ, а также содѣйствовать охранѣ общественной безопасности внутри страны. Современное оружіе, которымъ вооружены эти люди, представляющіе въ своей совокупности „постоянную армію“, въ связи съ успѣхами современной военной техники, вообще, дѣлаетъ ихъ способными преодолѣть всякое сопротивленіе со стороны невооруженныхъ гражданъ. По ученію буржуазнаго государственнаго права, армія „должна быть совершенно чужда политики“. Въ дѣйствительности этотъ принципъ означаетъ не что иное, какъ требованіе, чтобы армія совершенно отказалась отъ участія въ партійной политической жизни и оказывалась бы лишь слѣпымъ оружіемъ въ рукахъ „законнаго“ т. е. въ данный моментъ находящагося у власти правительства, какъ только ему понадобится прибѣгнуть къ такому же „оголенію“ общественныхъ отношеній, какое мы наблюдаемъ сейчасъ въ Россіи. Въ аб-

солютистскихъ странахъ обязанность арміи слѣпо служить правительству выражена законодательствомъ лишь съ большею опредѣленностью, чѣмъ въ конституціонныхъ. Въ этомъ вся разница. Но вездѣ армія, содержимая правительствомъ на средства народа, обязана по первому приказанію своего начальства т. е. въ послѣднемъ счетѣ того-же правительства противъ народа, какъ бы справедливы и даже законны ни были его требованія. Въ этомъ государственно-правовомъ положеніи арміи т. е. національныхъ вооруженныхъ силъ, заключается великая политическая проблема нашего времени, проблема внутренней политики, равная и соотвѣтствующая по своему значенію вопросу внѣшней политики о правѣ правительствъ заключать отъ имени націи „тайные“ международные договоры и вовлекать народы въ войну безъ ихъ предварительнаго согласія.

Наиболѣе человѣколюбиво-настроенные идеологи буржуазнаго строя подходятъ къ рѣшенію военного вопроса не съ государственно-правовой, а съ экономической или даже чисто финансовой точки зрѣнія. Они указываютъ на раззорительность такъ называемаго вооруженнаго мира, на колоссальное возростаніе государственныхъ расходовъ, вызываемое непрерывно усиливающимися вооруженіями на-

ціи, — и съ большой сентиментальностью говоритъ о „безконечно отдаленномъ будущемъ“, когда народы „поймутъ“ наконецъ всю безсмысленность и жестокость войнъ — точно тутъ надо еще что-нибудь понимать! — и станутъ улаживать свои „недоразумѣнія“ исключительно путемъ соглашеній между соотвѣтствующими правительствами и — въ крайнемъ случаѣ — посредствомъ международныхъ третейскихъ судовъ.

Грезы о водвореніи вѣчного мира на землѣ, конечно, не являются продуктомъ исключительно буржуазнаго міросозерцанія. Уже классическая древность грезила о всеобщемъ мирѣ, но ея поэты и мыслители полагали, что „золотой вѣкъ“ мирнаго состоянія человѣчества давнымъ давно пережитъ послѣднимъ, и что войны являются симптомами наступившаго затѣмъ вырожденія и упадка человѣчества. О мирѣ всего міра мечтали Данте и Тассо, Сервантесъ и Мильтонъ. Если вѣрить мемуарамъ Сюлли, то уже Генрихъ IV выработалъ цѣлый „планъ“ уничтоженія войнъ. Въ 1693 году англичанинъ Уильямъ Пеннъ издалъ свое „изслѣдованіе о нынѣшнемъ и будущемъ мирѣ въ Европѣ“ а послѣ заключенія Утрехтскаго договора аббатъ де Сенъ-Пьеръ напечаталъ большой трудъ „Проектъ установленія

всеобщаго мира", вызвавшій критическія замѣчанія со стороны Лейбница, Вольтера, Гердера и Руссо, причемъ послѣдній находилъ, что главное препятствіе къ уничтоженію войнъ заключается „въ честолюбіи монарховъ". Одинъ изъ величайшихъ „королей мысли", Кантъ, выработалъ даже (Zum ewigen Frieden 1795) рядъ вполнѣ практическихъ и, какъ онъ полагаетъ, вполнѣ осуществимыхъ предложеній, которыя, будучи приняты правительствами, дали бы возможность человѣчеству „перековать мечи наорала". А въ какихъ пламенновеличавыхъ выраженіяхъ передавалъ Викторъ Гюго свои грезы о „Европейскихъ Соединенныхъ Штатахъ" послѣ того, какъ германская и французская солдатчина истоптала поля и виноградники его прекрасной родины! Слова и иллюзіи если не совсѣмъ гибли, то оставались словами и иллюзіями. Факты-же, безчисленное множество фактовъ, сплетенныхъ въ клубокъ политической жизни человѣчества привели послѣднее къ такимъ колоссальнымъ человѣкоубійствамъ, какъ совершившіяся на поляхъ Ляояна и Мукдена, на холмахъ Портъ-Артура . . . И не нужно быть пророкомъ, чтобы съ увѣренностью предсказать, что еще болѣе громовые раскаты „кровью смѣха", еще болѣе колоссальныя человѣкоубійства пред-

стоитъ человѣчеству пережить въ весьма близкомъ будущемъ. Сотни милліоновъ людей, стоявшихъ до сихъ поръ въ сторонѣ отъ міровой политики вовлечены теперь въ круговоротъ ея. И покуда такіе исполинскіе политическіе организмы какъ Китай и Японія, такія страны, какъ Индія, войдутъ въ состояніе политическаго равновѣсія, хотя-бы и относительномъ, прольются не рѣки, а моря человѣческой крови. А покуда будутъ продолжаться войны, — утверждаютъ буржуазные идеологи, до тѣхъ поръ будутъ нужны и арміи, — по условіямъ современнаго военнаго дѣла — постоянныя армія! Такъ ли это? Приложимо ли это утвержденіе ко всѣмъ современнымъ странамъ и народамъ безъ исключенія? Историческія судьбы русской арміи, ея современное положеніе даютъ знаменательный отвѣтъ на подобный вопросъ. Вспомнимъ, что русская постоянная армія за все время ея существованія не одержала ни одной сколько нибудь крупной побѣды надъ европейскимъ противникомъ, который равнялся бы ему численносью и превосходствомъ его. Всѣ знаменитыя „торжества“ русскаго оружія были одержаны или при условіи значительнаго численнаго превосходства надъ непріятелемъ (Полтавская битва, Суворовскіе побѣды надъ

французами, побѣды семилѣтней войны, побѣды въ Венгріи и въ Польшѣ), или же надъ арміями народовъ, стоящихъ на еще болѣе низкой культурной ступени, чѣмъ русскій, — надъ турецкой, персидской арміями, надъ полчищами средне-азіатскихъ ханствъ и народцевъ. Такова „блестящая“ исторія русской арміи! Вспомнимъ также, что въ теченіе послѣднихъ 90 лѣтъ, т. е. почти цѣлаго столѣтія, русская армія вообще терпѣла одни лишь пораженія отъ своихъ европейски-обученныхъ противниковъ. И вотъ сейчасъ, по прошествіи болѣе чѣмъ года со времени заключенія мира, закончившаго войну, въ которой русская армія понесла непрерывный рядъ ужаснѣйшихъ пораженій, мы не замѣчаемъ въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ ни одной крупной реформы, ни одного реальнаго шага къ увеличенію боевой способности арміи, къ поднятію ея воинскихъ качествъ, по крайней мѣрѣ, до того уровня, на которомъ находится японская армія. Очевидно, русскому самодержавію армія нужна главнымъ образомъ вовсе не для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Она необходима для парализація тѣхъ общественныхъ движеній, которыя направлены противъ самодержавія, и съ которыми русская армія, даже при ея развращенности, невѣжествѣ, убожествѣ ея во-

инскаго духа, способна справиться весьма легко. И мы видимъ, что именно эта армія, въ прошломъ которой такъ мало заслугъ передъ ея отечествомъ, является въ настоящее время неограниченнымъ диктаторомъ въ Россіи. Генералы и полковники издаютъ законы, офицеры приговариваютъ къ смертной казни, солдаты исполняютъ обязанности палачей . . .

III.

Въ современныхъ попыткахъ рѣшенія военнаго вопроса въ той его соціальной общности, которую мы имѣемъ въ виду, слѣдуетъ различать три направленія. Къ первому принадлежатъ утописты-идеалисты, какъ буржуазные „друзья мира“ съ Бертой Зуттнеръ во главѣ, ходатайствующіе по правительственнымъ инстанціямъ о прекращеніи вооруженій и учрежденій международныхъ третейскихъ судовъ, такъ и мыслители и дѣятели анархо-утопистическаго лагеря подобные Льву Толстому и французскимъ антимилитаристамъ, полагающимъ, что современный милитаризмъ можетъ быть немедленно или въ ближайшемъ будущемъ разрушенъ путемъ антимилитаристской пропаганды и агитаціи въ народныхъ массахъ и

въ рядахъ арміи, — возбужденія солдатъ и особенно новобранцевъ къ отказу отъ исполненія ихъ служебныхъ обязанностей, дезертировки, открытымъ возмущеніямъ и т. п. Сколько нибудь серьезнаго вниманія эти попытки не заслуживаютъ уже хотя бы потому, что онѣ совершенно не считаются съ реальными условіями мѣста и времени.

Весьма близкимъ къ буржуазному утопизму является второе направленіе, которое можно было бы назвать позитивно-опортюнистскимъ, еслибъ оно не оказывалось, при ближайшемъ разсмотрѣніи, по просту филистерски-лицемѣрнымъ. Къ этому направленію относятся попытки самихъ правительствъ заключать международныя соглашенія относительно передачи могучихъ возникнуть между государствами „разногласій“ или „недоразумѣній“ на усмотрѣніе третейскихъ судовъ. Не лишеннымъ извѣстнаго благотворнаго значенія, особенно для второстепенныхъ державъ, отказавшихся отъ завоевательной политики, попытки эти не только не могутъ привести культурное человѣчество къ окончательному рѣшенію великаго вопроса, но даже и не приближаютъ его къ таковому. Всѣ до сихъ поръ заключенныя подобныя международныя соглашенія не имѣютъ принудительно-обязательнаго

значенія для сторонъ, въ соглашеніе вступившихъ. Напротивъ, всѣ они гласятъ что передачѣ на рѣшеніе третейскихъ судовъ подлежатъ лишь вопросы, не затрагивающіе чести и достоинства націй, не угрожающіе ихъ безопасности. Спрашивается, однако, какое буржуазное правительство, какая буржуазная дипломатія окажутся настолько неискусными, чтобы не сумѣть сдѣлать, если только это имъ понадобится, изъ вопроса о выѣденномъ яйцѣ вопросъ „о чести и достоинствѣ націи"? Слово человѣческое эластичнѣе всякаго каучука, а человѣческой изобрѣтательности нѣтъ границъ... Еще болѣе безпочвенны, конечно, надежды, возлагаемыя буржуазнымъ филистерствомъ на инициативу самыхъ правительствъ въ дѣлѣ разоруженія народовъ. Ожидать, что какое-либо правительство лишитъ себя поддержки постоянныхъ армій столь необходимыхъ ему для борьбы съ непрерывно возрастающей мощью организующагося пролетаріата, такъ же основательно, какъ мечтать, что наступитъ время, когда волки по собственной инициативѣ начнутъ носить намордники...

Третье направленіе въ воззрѣніяхъ на сущность и возможность рѣшенія военнаго вопроса принадлежитъ теоретикамъ организованнаго, борющагося за высшія человѣческія

блага пролетаріата. Здѣсь мы вступаемъ въ область серьезной, научной, честной и возвышенной мысли. Всѣмъ извѣстно, какъ рѣшаетъ военный вопросъ наиболѣе послѣдовательная представительница этого направленія, — германская соціалдемократія. Она отказывается вотировать кредиты на военныя надобности, требуя замѣны постояннаго войска милиціей и „воспитанія къ всеобщей способности защищаться", т. е. введенія во всѣхъ школахъ обязательнаго обученія военнаго дѣла. Изъ оффиціальнаго комментарія, составленнаго Шенланкомъ къ Эрфуртской программѣ, видно, что это обученіе должно носить форму гимнастическихъ и военныхъ игръ. Руководящей мыслью, — говоритъ Шенланкъ, — при установленіи размѣра и рода гимнастическихъ боевыхъ игръ, является обученіе гражданъ умѣнію сражаться. Свободный народъ долженъ умѣть обращаться съ оружіемъ, его боевая подготовка является охраной и защитой общественнаго мира. Уже ребенку необходимо привить представленіе, что гражданинъ не заслуживаетъ названія свободнаго, если онъ не умѣетъ пользоваться оружіемъ и не готовъ пролить свою кровь и отдать свою жизнь за свободу".

Этимъ „золотымъ", по истинѣ, словамъ

слѣдуетъ, какъ намъ кажется, дать возможно болѣе „распространительное“ толкованіе.

Само собою разумѣется, что германская соціальдемократія, призывающая пролетаріевъ всѣхъ странъ къ единенію, считаетъ установленіе всеобщаго мира неизбѣжнымъ послѣдствіемъ окончательной политической побѣды пролетаріата и поэтому требуетъ, — подобно бельгійской соціалдемократіи, сдѣлавшей соотвѣтственную оговорку въ своей программѣ, — замѣны постояннаго войска милиціей лишь какъ переходной ступени къ полному уничтоженіи военной организаціи, къ полному уничтоженію военной службы.

„Требованія“ соціалдемократіи обращены, — и она это превосходно понимаетъ, — къ современному, т. е. основанному на классовомъ господствѣ государству, а потому остаются и останутся неудовлетворенными до тѣхъ поръ, пока государство сохранитъ свой буржуазный характеръ. Ссылки на существованіе швейцарской милиціи ничего не доказываютъ. Швейцарія, какъ государство находится въ слишкомъ исключительномъ, исторически сложившемся положеніи, чтобы ея примѣръ былъ убѣдителенъ въ какомъ либо отношеніи. Напротивъ, гораздо характернѣе для современнаго развитія военнаго вопроса въ государ-

ственной практикѣ примѣры Англіи, несомнѣнно готовящейся къ введенію всеобщей повинности, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, вынужденныхъ значительно увеличить численность своей постоянной арміи, Китая и Сіама, приступившихъ къ реорганизаціи своихъ вооруженныхъ силъ по европейски-японскому образцу.

Рѣшеніе военнаго вопроса, какъ оно предлагается соціалдемократической программой сводится слѣдовательно, къ выжиданію того момента, когда, благодаря пролетаризаціи народныхъ массъ и проникновенію пролетарско-классоваго самосознанія въ ихъ среду, пролетаріатъ станетъ господиномъ въ своей странѣ, армія же, составленная въ большинствѣ изъ сознательныхъ пролетаріевъ, поддержитъ его въ борьбѣ съ буржуазно-государственнымъ строемъ.

Нельзя также разсчитывать, какъ это дѣлали нѣкоторые теоретики марксизма*) на то, что „война убьетъ самое себя, либо вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ техники, военныхъ разрушительныхъ средствъ, которые сдѣлаютъ войну слишкомъ ужасною“, сдѣлаютъ возможнымъ, мгновенное умерщвленіе цѣлыхъ армій“,

*) Если не ошибаемся, даже и Энгельсъ.

а потому всякое сраженіе между воюющими сторонами — невозможнымъ. Либо благодаря тому, что при все возрастающей экономической взаимозависимости народовъ, при точно также непрерывно возрастающемъ накопленіи богатствъ, война сдѣлается слишкомъ разсорительной даже для господствующихъ классовъ. Оба эти предположенія совершенно не находятъ для себя достаточныхъ основаній въ дѣйствительности. Несмотря на колоссальные успѣхи техники оружія и разрушительныхъ средствъ, вообще потери личнаго состава воюющихъ армій въ сраженіяхъ выражаются все меньшимъ и меньшимъ процентомъ общаго числа комбатантовъ. Это объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что техника оборонительныхъ средствъ развивается pari possu съ техникой средствъ разрушенія. А также и тѣмъ, что въ исходѣ современныхъ войнъ, стратегическіе моменты получаютъ все большій и большій перевѣсъ надъ техническимъ.

Что-же касается непрерывно возрастающей разсорительности современныхъ войнъ, то и на все нельзя возлагать никакихъ надеждъ относительно рѣшенія военнаго вопроса. Какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Поссе въ своей „Теоріи и практикѣ пролетарскаго соціализма“,

представительница капитализма, современная буржуазія, отнюдь не воинственна, она любитъ миръ, *правда*, вооруженный, потому что онъ поддерживаетъ обширную промышленность, служащую удовлетворенію военныхъ государственныхъ потребностей и весьма хорошо рентирующуюся. Но въ погонѣ за иностранными рынками, за торговой гегемоніей въ той или иной части свѣта, буржуазія, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, весьма охотно начинаетъ „безопасныя“ колоніальныя войны, которыя, конечно, легко могутъ превратиться изъ благодушнаго истребленія какихъ нибудь африканскихъ дикарей при помощи пушекъ Максима и Гочкеса въ кровопролитную и крайне разорительную войну между европейски-культурными странами.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о еще одномъ средствѣ рѣшенія въ пролетаріатскихъ интересахъ не только военнаго, но о весьма многихъ другихъ связанныхъ съ ними вопросовъ — о всеобщей стачкѣ. Отношеніе германской соціалъ-демократіи къ этому, популярному въ анархистскихъ и анархо-соціалистическихъ сферахъ средству свидѣтельствуетъ, что въ рядахъ соціалъ-демократической партіи прекрасно понимаютъ, какую колоссально-важную роль сыграетъ, въ случаѣ

возникновенія всеобщей стачки, поведеніе арміи т. е. тотъ именно военный вопросъ для рѣшенія котораго между прочимъ стачка и предлагается. Наглядно-ужасный опытъ русскаго освободительнаго движенія показываетъ, насколько наивны мечтанія такихъ горячихъ сторонниковъ этого средства „совершить революцію однимъ ударомъ“ какъ В. А. Поссе, который въ своей названной уже нами книгѣ, живописуя совершеніе стачки революціи, говоритъ:

„Отношеніе въ войску опредѣлится прежде всего тѣмъ, что пролетаріатъ долженъ всѣми силами стремиться всеобщую стачку рабочихъ дополнить стачкою солдатъ. Рабочіе и крестьяне не могутъ разбить современную армію, выступая противъ солдатъ не только съ камнями, но и съ самодѣльными бомбами. Но они могутъ разбить и обезоружить ихъ, выходя на встрѣчу солдатамъ, какъ братья, и открывая имъ свою грудь съ возгласомъ: „Стрѣляйте въ эти открытыя груди, если рука ваша не дрогнетъ передъ братоубійствомъ“. Конечно лишь очень наивные люди могутъ рисовать себѣ подобныя, безспорно красивыя, — хотя и не лишенныя нѣкоторой, такъ сказать, китайщины, — но во всякомъ случаѣ невѣроятныя картины. Одно изъ двухъ, въ

самомъ дѣлѣ: или армія къ которой статечники выйдутъ „съ открытой грудью“ состоитъ изъ сознательныхъ, убѣжденныхъ сторонниковъ пролетаріата, и тогда незачѣмъ будетъ „раскрывать груди“, или же это армія въ большинствѣ состоящая изъ людей, усматривающихъ въ стачечникахъ бунтовщиковъ, подлежащихъ усмиренію и тогда бойцамъ пролетаріата слѣдуетъ не раскрывать свои груди, а напротивъ, постараться закрыть ихъ чѣмъ нибудь по возможности непроницаемымъ для ружейныхъ пуль...

IV.

Итакъ мы видимъ, что „военный вопросъ“ не находитъ себѣ въ современной политической практикѣ немедленнаго, активнаго и непосредственнаго рѣшенія въ интересахъ свободнаго общественнаго развитія т. е., главнымъ образомъ въ интересахъ пролетаріата, борющагося за свою эмансипацію. Само собою разумѣется, что это не даетъ намъ основаній ни на минуту усумниться въ конечномъ торжествѣ пролетаріата, въ торжествѣ правды и справедливости, въ поступленіи такого историческаго момента, когда арміи перестанутъ

быть надежнѣйшими опорами правительствъ въ ихъ борьбѣ съ законнѣйшими требованіями общества, — когда, говоря иными словами, изъ трехъ солдатъ двое окажутся убѣжденными соціалистами и друзьями народа.

Но... пока солнце соціальной революціи восходитъ роса деспотизма и насилія выѣдаетъ безконечное множество человѣческихъ очей. И, пожалуй, быть пассивнымъ созерцателемъ этого выѣданія не менѣе тяжело, чѣмъ самому подвергаться воздѣйствію росы. Во всякомъ случаѣ — невыносимо тяжело. И, слѣдовательно, необходимо искать путей и средствъ которые вели бы къ немедленному непосредственному рѣшенію военнаго вопроса, къ прямому предотвращенію ужасовъ и звѣрствъ, подобныхъ совершеннымъ въ настоящее время солдатчиной въ Россіи. Намъ кажется, что такихъ путей слѣдуетъ искать въ самодѣятельности общества, въ иниціативѣ принять которую на себя могутъ самые широкіе круги населенія и притомъ принять немедленно.

Русской арміи въ послѣднее время не разъ бросался въ лицо позорный ядовито-жгучій упрекъ, что она выступаютъ противъ безоружныхъ гражданъ своего отечества съ несравненно большимъ куражемъ и еще большимъ озлобленіемъ, чѣмъ противъ прекрасно воору-

женныхъ японцевъ на поляхъ и горахъ Манчжуріи. Если этотъ упрекъ справедливъ, то развѣ неочевидно, что Мины и Риманы, Ренненкампфы и Меллеръ-Закомельскіе, Дубасовы и Чухнины, дѣйствовали бы по отношенію къ своимъ соотечественникамъ нѣсколько осторожнѣе и „великодушнѣе“ разъ имъ было бы извѣстно, что вся Россія покрыта сѣтью безчисленныхъ вольныхъ стрѣлковыхъ и военно-гимнастическихъ обществъ, члены которыхъ обладаютъ оружіемъ не худшимъ чѣмъ солдатское и владѣютъ имъ съ надлежащимъ умѣніемъ. И если вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, не только выше названнымъ героямъ, но и „послабшимъ“ ихъ, что при первой попыткѣ расходившейся солдатчины или разъяренныхъ „истинно-русскихъ“ прохвостовъ вступить на стезю насилія, сотни тысячъ вольныхъ россійскихъ стрѣлковъ возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ на защиту своихъ согражданъ?

Намъ могутъ возразить, что мечты объ образованіи сѣти обществъ способныхъ съ оружіемъ въ рукахъ противостать насиліямъ и гнусностямъ, совершаемымъ сторонниками стараго режима, навсегда останутся мечтами ибо русское правительство никогда не потерпитъ возникновенія свободныхъ вооруженныхъ

организацій. Но развѣ можно отрицать наличность того обстоятельства, что за послѣдніе два года этому правительству пришлось вообще потерпѣть многое для него совершенно не желательное. Само собою разумѣется, что если бы граждане какой-нибудь Вологды порѣшили образовать, исключительно собственными силами, въ видахъ обузданія мѣстныхъ полицейскихъ баши-бузуковъ, разбойниковъ и хулигановъ, вольное стрѣлковое общество и еслибъ они обратились за соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ къ администраціи, — той самой администраціи, которая отбираетъ у мирныхъ жителей жалкіе револьверы Лефоше и позволяетъ Юскевичамъ-Красковскимъ располагать цѣлыми арсеналами, — то, несомнѣнно не только встрѣтили бы отказъ, но и подверглись бы карательному воздѣйствію столыпинской юстиціи. Дѣло будетъ обстоять совершенно иначе если мы предположимъ, что „Всероссійскій союзъ вольнострѣлковыхъ обществъ“, поставившій себѣ цѣлью: 1) подготовлять россійское юношество къ оборонѣ отечества отъ внѣшнихъ враговъ; 2) развивать въ своихъ согражданахъ любовь и навыкъ къ воинскимъ и гимнастическимъ упражненіямъ; 3) охранять своихъ соотечественниковъ отъ насилій откуда бы таковыя не исходили —

если такая общественная организація организовывалась конспиративно, помѣстивъ свои организаціонныя учрежденія за границей и конституировалась открыто лишь послѣ того, какъ ей удастся охватить достаточное число населенныхъ центровъ Россіи и включить въ свои ряды сотни тысячъ россійскихъ гражданъ. Въ этомъ случаѣ столыпинскому правительству, какъ и всякому другому, увы придется считаться съ фактомъ существованія союза лишь какъ съ существующимъ фактомъ.

Организація подобнаго союза вещь, конечно не легкая, но можно ли утверждать, что она невозможна? А возможное въ Россіи еще болѣе возможно въ культурныхъ передовыхъ странахъ. Вездѣ и всюду опасность, грозящая свободному общественному развитію со стороны непрерывно развивающагося милитаризма, должна и можетъ быть парализована путемъ образованія свободныхъ обществъ ставящихъ себя задачей воинское и гимнастическое обученіе своихъ согражданъ и вооруженный отпоръ насиліямъ откуда бы таковыя ни исходили, — будетъ ли то „энергичное“ разсѣиваніе толпы какихъ-нибудь манифестантовъ жандармами, или разстрѣливанія безоружныхъ забастовщиковъ фаногорійцами, или „молодецкая“ аттака какихъ-нибудь донскихъ

баши-бузуковъ на крамольныхъ школьниковъ и школьницъ, или, наконецъ, избіеніе дрейфусаровъ антидрейфусарами.

Мы глубоко убѣждены, что при надлежащемъ ростѣ и распространеніи подобныхъ обществъ арміи культурныхъ странъ дѣйствительно перестанутъ „вмѣшиваться въ политику", и дѣятельность ихъ всецѣло сведется къ оборонѣ отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Правительствамъ въ борьбѣ съ общественными прогрессивными силами придется расчитывать уже не на пулеметы или репетирныя ружья, а на свои собственныя духовыя силы.

Намъ могутъ возразить также, что подобные союзы очевидно должны явиться междупартійными организаціями, и что, слѣдовательно, при прогрессирующей дифференціаціи общества, при все болѣе строгомъ обособленіи политискихъ партій, едва ли можно надѣяться на привлеченіе въ составъ союзовъ достаточнаго, для выполненія ихъ задачъ, числа членовъ, и что, наконецъ въ средѣ самихъ союзовъ могутъ возникнуть проявленія партійной розни.

Въ отвѣтъ на подобное указаніе можно сослаться на образъ дѣйствій германской соціалъ-демократіи, столь разборчивой въ заключеніи союзовъ съ другими политическими

партіями и тѣмъ не менѣе сознающей, что можно getrennt maschieren, но должно vereint schlagen общаго врага. Благо тѣмъ странамъ, въ которыхъ schlagen означаетъ всего лишь мирное опусканіе бюллетеней въ избирательныя урны. Едва ли однако существуютъ въ настоящее время страны, абсолютно увѣренныя въ неотъемлемости у нихъ этого блага. Что же касается Россіи, то тамъ, увы, schlagen сохраняетъ свое совершенно прямое и ужасное значеніе. Горькій опытъ первой Государственной Думы съ очевидностью засвидѣтельствовалъ безсиліе „таинственнаго шелеста избирательныхъ бюллетеней“ въ борьбѣ съ нагайками, ружьями и пулеметами. Въ этой несчастной странѣ всѣ прогрессивныя и свободомыслящія организаціи, какъ бы различны не были ихъ политическія программы, должны располагать для совмѣстнаго нанесенія удара общему врагу болѣе реальными и болѣе продолжительно дѣйствующими органами, чѣмъ картели и блоки, заключаемые и составляемые наканунѣ парламентскихъ выборовъ. Междупартійныя организаціи, а среди нихъ прежде всего организаціи вооруженной самообороны, гимнастическихъ и стрѣлковыхъ обществъ, именно и должны явиться подобными органами. Это тѣмъ болѣе такъ, что въ Россіи сейчасъ

не существуетъ партіи, которая могла бы въ одиночку взять на себя задачу, не будемъ говорить установленія царства свободы въ нашемъ отечествѣ, а хотя бы лишь защиты русскихъ дѣвушекъ отъ казацкихъ нагаекъ. Междупартійныя организаціи, съ простыми, всѣмъ понятными, очевидно гуманными и прогрессивными задачами, принимающія въ составъ своихъ членовъ какъ лицъ принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, такъ и тѣхъ гражданъ, которые находятся еще внѣ партіи, такія организаціи уже сейчасъ могутъ представить собою грозящую силу. Вспомнимъ, что провожать гробъ Н. Е. Баумана, когда, слѣдовательно, нужно было выразить свое сочувствіе предательски убитому бойцу за свободу, явилась толпа въ 200 тысячъ человѣкъ и московскіе башибузуки, Грингмуты и Малюты-Скуратовы, казаки и драгуны должны были молча взирать на эту грандіозную манифестацію. Наоборотъ въ московскомъ возстаніи, конечныя цѣли котораго и побудительные мотивы оставались не понятными для народныхъ массъ, участвовало едва ли болѣе девяти тысячъ человѣкъ.

Что касается возможности партійныхъ конфликтовъ въ средѣ подобныхъ междупартійныхъ организацій, то она тѣмъ меньше, чѣмъ

настоятельнѣе и реальнѣе будетъ нужда въ существованіи послѣднихъ и чѣмъ строже сами организаціи будутъ ограничиваться предѣлами своей собственной несложной программы.

Si vis pacem, para bellum, говоритъ народамъ современный милитаризмъ въ оправданіе своего существованія. И это правило сохраняетъ свою приложимость въ области не только внѣшней, но и внутренней политики: если вы, граждане, хотите мира въ вашемъ отечествѣ, то соединяйтесь и вооружайтесь!...

Типографія Левента, (С. Сиднеръ)
Берлинъ, Линденштрассе 93.